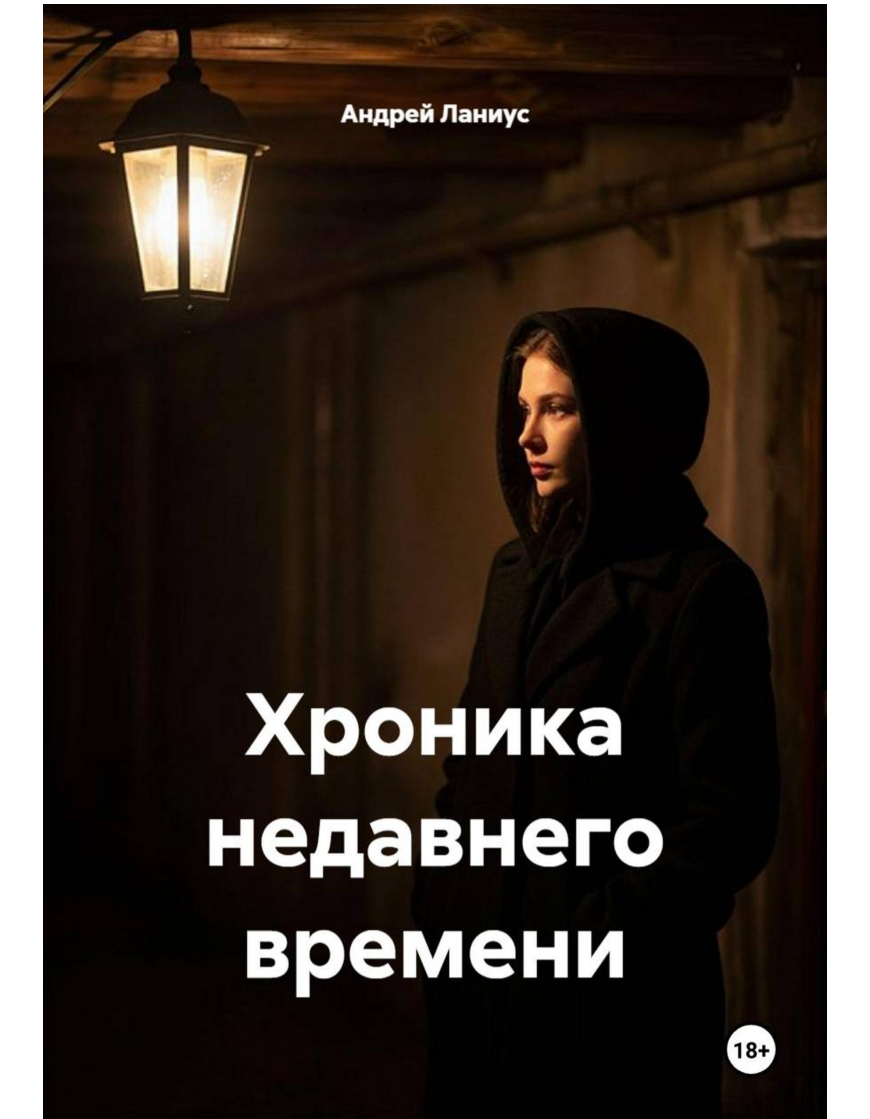

A woman in a dark hooded coat is shown in profile, looking towards the left. She is standing in a dark, possibly underground or old building setting. A warm, glowing street lamp is visible in the upper left corner, casting light on the scene. The overall mood is mysterious and somber.

Андрей Ланиус

Хроника недавнего времени

18+

Андрей Ланиус

Хроника недавнего времени

<https://litres.ru/74496419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Печально-поучительная повесть о примерном семьянине и на что он готов ради разнообразия интимной жизни со своей любимой женой. Расследовании преступлений и загадочных событий в темных коридорах коммуналок, старых дачах, в интерьере ресторанов, в закоулках питерских дворов-колодцев, где одинокая женщина доверяет людям, сама никого никогда не предавала. Но кто-то начинает преследовать ее, кажется, в это вовлечен даже очень влиятельный человек.

Учебник для молодых мужей. В руках жены эффективны два вида оружия - шантаж своей доступной соблазнительной привлекательностью и упреки типа "Говорила мне мама!"

Содержание

Чисто питерское убийство-2001	4
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Хроника недавнего времени

Чисто питерское убийство-2001

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Супруги Завесовы завтракали в своей комнате.

- И это называется кофе! Просто какая-то бурда! – Тамара отставила чашку так резко,

что немного жидкости выплеснулось на клеенку. – Вот блин! – в сердцах выбранилась молодая женщина.

Геннадий отозвался покладисто:

- Лиманская бы тебя сейчас не одобрила.

- А я и не нуждаюсь в одобрении каждой шизофренички!

- Милая, ты просто сердишься, - спокойно заметил он. -

Между прочим, тебе это не идет.

- Очень ценное наблюдение! Нет, милый, я не сержусь! Сердитой ты меня еще не видел... - она порывисто поднялась, ударившись бедром об угол стола, поморщилась от боли, отшвырнула стул: - Бл-лин горелый! Понаставлено кругом, понатыкано, не повернешься! Базар-вокзал, а не дом! Надоело все! У-ух, как надоело! – она прошла к платяному

шкафу, на ходу сбрасывая халатик, под которым не было ничего. Выдвинула нижний ящик, склонилась над ним: - Ну, где вы там, мои штопаные-перештопаные колготки, ау?!

У нее была чуточку приземистая, широковатая в плечах, но приятных пропорций фигура с полновесными округлостями, сухощавыми лодыжками и маленькими ступнями.

Супруги Завесовы были женаты без малого одиннадцать лет, но до сих пор нагота жены распаляла воображение мужа. Вот и в эту минуту ее случайная поза взволновала его плоть. Но он знал, что затевать сейчас любовную игру было бы непростительной ошибкой. Возможно, есть женщины, чье утреннее раздражение тает от первой же ласки.

Тамара, увы, не из их числа. Проверено: мины есть, взрываются без предупреждения.

Вот она уже надела трусики, застегнула бюстгалтер.

Геннадий вздохнул. Давно ли у них с сексом не было никаких проблем? Только намеки... А нынче он неделями сидит на голодном пайке. То у нее голова болит, то женские праздники, то пятое, то десятое... Но это еще что! Как-то раз ему показалось, что он основательно завел ее, а она в самый горячий момент вдруг заявляет: «Не забыть бы заплатить за квартиру...» Хоть любовницу заводил! Другой на его месте давно завел бы. Он, Геннадий Завесов, - парень видный, девушки на улице засматриваются, да и в своей конторе нашлись бы желающие... Но он не хочет никаких любовниц. Он однолюб по природе. Он любит только Тамару и надеет-

ся, что скоро у них всё наладится, всё будет, как было еще недавно. И даже лучше.

- Наш Нуличкин опять едет в турпоездку, - желчно сообщила Тамара, выходя из-за дверцы шкафа на центр комнаты. Сейчас на ней были светлокоричневые вельветовые брючки и алая кофточка, удачно гармонирующие с ее дымчато-пепельными волосами – пышными, выющимися от природы. – Уже в седьмой раз. Теперь Италия – Франция. Вот зараза! Ничего ведь из себя мужик не представляет, прямо по фамилии – Нуличкин и есть, а катается как сыр в масле! Удачливое ничтожество! Все куда-то едут, чего-то покупают... А вот мы, с нашими талантами, так, наверное, и состаримся в этой чертовой коммуналке! Сереженьке уже десять, Диме – девять... Не успеем оглянуться, как станем бабкой и дедом. Так ничего и не добившись в жизни, нигде не побывав, ничему не порадовавшись...

- Томчик, ну не нагнетай, а? – попросил он. - Я же тысячу раз тебе предлагал: давай возьмем тебе путевку в Финляндию и Швецию. Тут же рядом. У нас многие ездили – куча впечатлений!

- Ага! У нас проблем – выше крыши, а я буду по границам разъезжать! Нет, милый! Отдыхается хорошо, когда у тебя тылы обеспечены. А без этого, извини, мало радости...

- Так-так-так... Ну какие еще проблемы, Томчик?!

- По-твоему, у нас нет проблем?! И это говоришь ты, мужчина?! Всё! Я побежала! Не провожай меня! Я сама!

Даже не подставив ему щечку для поцелуя, она вышла, хлопнув дверью.

Некоторое время он вслушивался, как стучат по лесенке ее каблучки.

Да, проблема у них есть, думал он, машинально вертя перед собой пустую чашку. Только совсем не та, на которую нажимает Тамара. Их настоящая проблема – постель. Интим. Секс. Траханье до умопомрачения. Вернее, отсутствие такового. Отсутствие регулярности в этом вопросе, скажем для точности так. А ему хочется. Хочется вечером, ночью, утром. Хочется всё время. До минувшего лета и ей тоже хотелось. И вдруг всё как отрезало...

Он снова вздохнул.

Нет, не вдруг, конечно. Он всё понимает. Соперник? Ерунда, нет у него никакого соперника. Тут совсем другое.

Просто с некоторых пор у Тамары появилась навязчивая идея относительно удачи. Дескать, можно быть умным, образованным, порядочным, трудолюбивым, но успеха в жизни так и не добиться, потому что нет удачи. А свою удачу надо еще уметь встретить...

И вот прошлым летом удача постучалась в их дом. И даже перенесла уже ногу через порог. А затем вдруг передумала, резко развернулась и ушла к кому-то другому. И получается так, будто это именно он, Геннадий, не умел удержать ее у своего крыльца.

Вот тут-то в Тамаре и взорвалась какая-то мина. Да с та-

ким треском и грохотом, что эхо никак не уляжется до сей поры.

Но уляжется же оно когда-нибудь. Может, очень скоро. И вообще, не за горами тот день, когда удача снова постучит в их дверь. Уж теперь он ее не упустит. Он сильный мужчина, удержит!

А пока что надо перетерпеть все эти Тамарины взбрыкивания. И уж точно – не отвечать на них тем же. Не изображать обиженного. Напротив, он должен окружить ее заботой и вниманием. Лаской. И тогда она оттаят. Должна оттаять...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спустя примерно неделю, в такое же сумрачное октябрьское утро, Геннадий лежал на кровати у стены, из-за которой доносились приглушенные звуки – там, в их второй комнате, Тамара собирала детей в школу. Сегодня была ее очередь. Накануне Геннадий вернулся с дежурства, как обычно, поздно, и, по заведенному в семье распорядку, имел нынче право отсыпаться до полудня.

Но спать он не мог. Вот уже несколько дней (и ночей тоже!) Тамара была необычайно ласкова. Неужели началось великое таяние льдов? Как же тут заснуть?!

Вот тихо отворилась дверь, на цыпочках вошла Тамара, включила ночник.

- Врубай верхний свет, - подал он голос. – Я все равно не

сплю. Проводила пацанов?

- Ой, слушай, я сейчас так смеялась! Сережа рассказывал, как выиграл пари на школьном дворе. Поспорил с ребятами, что присядет на одной ноге сорок раз. Ну, никто не верит! Шум-гам, тут и старшеклассники заинтересовались. На смех его подняли! А он взял и присел пятьдесят раз подряд! Даже взрослые ребята рты пораскрывали, представляешь?! Он такой сильный, весь в тебя! Я за него спокойна, он сумеет за себя постоять!

- Да и Димка у нас парень перспективный, - ответил муж. – Спортсмена, правда, из него не получится, ну так что за беда?! Зато он, наверняка, будет классным программистом. А эти ребята всегда в цене.

- Ой, Димочка такой умничка... Но уж слишком много сидит за компьютером! – она шутливо вздохнула: - Называется, купили детям игрушку! Я думала, им с компьютером будет к урокам готовиться легче, а они просто играют в какие-то виртуальные игры! Серенький, правда, быстро охладел. А Дима только во вкус вошел. Оторваться не может!

- Ну и пусть играет, - благодушно ответил Гена. – Игра развивает воображение. Я читал где-то.

- В Пашиной газете?

- Может, и в Пашиной...

- Я включу телевизор, ладно? Потихоньку.

- Да хоть на полную катушку!

- Ну, как знаешь... - она включила развлекательный канал

и, негромко подпевая, закружилась по комнате под мелодию с экрана. – Ладно, нужно принарядиться и скакать на работу! – открыла дверцу шкафа и скрылась за ней, продолжая напевать.

- Давай так, - предложил он. – Ты смотри телевизор, а я буду смотреть, как ты одеваешься.

- Ладно, - не стала спорить она. – Почему бы не доставить любимому мужу маленькую радость? – держа белье, она вышла, голая, из-за дверцы и дразнящей походкой подошла вплотную.

- Ох, Томчик! – выдохнул он. – До чего же я люблю, когда ты такая раскованная...

- И я люблю, Генчик, когда ты такой ласковый... Извини, если я иногда нервничаю. Капризы бабской психики, ну что тут поделаешь?!

Он притянул ее к себе.

Она мягко отстранилась:

- Ой, Генчик, мне тебя жалко. Я тебя сегодня совсем измучила. Но вечером можно повторить, если хочешь.

- Да я и сейчас готов, смотри! – он отбросил одеяло.

- Вот бессовестный! – рассмеялась она, отступая всё же на шаг назад. – Тут ее улыбка погасла, и она произнесла уже другим, совсем не игривым тоном и будто бы делая даже над собой усилие. – Гена, я хочу с тобой поговорить на одну тему. Вернее, предложить тебе одну идею...

- Ну так давай! Всегда – пожалуйста...

Пауза.

- Н-нет... В другой раз!

- Хозяин барин. Пусть будет в другой раз.

Снова пауза, но короче.

- Ладно, скажу сейчас. Только отнесись серьезно... И не считай меня сумасшедшей, ладно?

- Когда это я считал тебя сумасшедшей? Ты – моя умница-разумница!

Снова пауза. (Совсем не в ее характере!)

- Ну? – не выдержал он, встревожившись вдруг.

Она остановилась под люстрой. Искусственное освещение подчеркивало выразительность ее зеленоватых глаз, оттененных косметикой, матовую белизну кожи и почти скрадывало некоторую тяжеловатость ее нижней челюсти.

- Милый, я верю, что у нас всё будет хорошо. Что в нашем доме всё же постучится удача...

- О, господи! Да конечно же! К чему такая запевка?!

- И у тебя тоже всё будет хорошо. Твоё дело реализуется. Обязательно. А я тебе помогу во всем.

- Я очень рад, Тамара, что ты это говоришь, но...

- Но это будет летом, - продолжала она вытягивать некую нить. – А до лета так долго ждать! Сейчас только начало октября. Вся наша тоскливая питерская зима впереди. Да и осень тоже.

- Что тут поделаешь, милая?! Ты ведь знаешь, что к делу я могу приступить только летом.

- Знаю, Гена. Поэтому предлагаю одну вещь, которая поможет нам скоротать долгие осенние и зимние вечера.

- Разве у нас нет занятий для вечеров? – он протянул к ней руку.

- Есть, конечно. Но этого мало.

- Ладно, предлагай.

- Давай поиграем в одну игру. Только не перебивай, выслушай до конца! Это я не сама придумала. Встретила на днях бывшую одноклассницу, ну, Жанну Гунькину, правда, она сейчас снова замужем и уже в третий раз поменяла фамилию, но для меня она всегда останется Гунькиной... Так вот. Зашли в кафешку и немного пошептались по душам. Она, оказывается, врач-психолог, вот и посоветовала. Сейчас такие игры – ролевые – в моде. Особенно, в семьях с большим стажем. А мы всё же женаты больше десяти лет.

- Значит, игра? И что же это за игра? Если сексуальная, то я обеими руками – за!

- Гена, ну давай серьезно! Игра должна быть основана на главной семейной проблеме.

- Ну и какая же у нас главная семейная проблема?

- Ты и сам прекрасно знаешь, милый: отсутствие удачи! Мы никак не можем вырваться из заколдованного круга именно потому, что нам фатально не везет. Ни в чем! Вспомни прошлое лето!

- Так-так-так... Дай-ка сообразить... Из заколдованного круга, говоришь? Фатально не везет? Значит, мы будем изоб-

ражать счастливичиков, которым везет всегда и во всем? Так глубоко влезем в эту шкуру, что нам начнет везти по-настоящему?

- Нет, Гена, - мягко возразила Тамара. К тому, кто ждёт у моря погоды, удача не приходит. Она ведь дама капризная. Ее нужно ублажить. Завлечь. Каким-нибудь оригинальным сюжетом. Даже невероятным. Чем невероятнее, тем лучше. Вот тогда она, удача, может клюнуть на приманку и пожаловать в гости. Сама.

- Хм! Звучит неплохо, но что-то я никак не врублюсь...

- Кроме того, - с таинственным видом продолжала Тамара, - такая игра помогает сбросить негативную энергетику. Тоже ведь нелишнее.

- Это точно, - кивнул Геннадий. - И всё это можно как-то совместить, да? Завлечь удачу и сбросить негатив?

- Можно, милый! Проще, чем кажется.

- Так растолкуй.

- Ну вот, смотри. Берем конкретную проблему: жильё. У нас – коммуналка, в которой, кроме нас, прописаны еще двое квартиросъемщиков. Лиманская Лидолия Николаевна и Паша Плафонов. Неважно – хорошие они или плохие. Важно то, что мы хотим жить отдельно, без них. Но сами по себе они никуда отсюда не денутся. Расселить их мы тоже не сможем – у нас нет таких денег. Что же нам остается? Что предпринять, чтобы эти люди и исчезли из нашей жизни?

- Что?

- А вот что: Пашку убить, а Лиманскую упечь в психушку!
– твердо проговорила Тамара.

Геннадий так и подпрыгнул на кровати:

- Томка! Ну ты даешь!

Тамара коротко рассмеялась:

- Чего перепугался, глупенький? Это только игра. Просто игра. Мы как бы достигаем поставленной цели – хотя бы в виде спектакля. И весьма вероятно, что в качестве зрителя на наш спектакль пожалует госпожа удача. А вдруг мы понравимся ей? Попутно я избавляюсь от негативной энергетики. Ты же знаешь, как меня раздражает Пашка! Видеть не могу этого типа! Ну? Согласись, в этой игре есть острота. Такой перчик.

Возникла пауза.

- Между прочим, - нарушил молчание Геннадий, - наши две комнаты хоть завтра можно обменять на двухкомнатную квартиру где-нибудь в Купчино или в Сосновой Поляне. И убивать никого не надо.

- Ага, у черта на куличках! Нет, милый, я не собираюсь никуда переезжать из нашего района. Здесь я спокойна за детей – школа рядом, не надо пользоваться лифтом – вот нашу Анну Васильевну из отдела маркетинга ограбили в лифте, она уже боится входить в собственный подъезд! А тут – весь транспорт под боком, метро – в пяти минутах, соседи по улице – все знакомые... Нет, меняться мы не будем! И вообще, Геннадий Васильевич, я ведь вам не обмен предло-

жила и уж, конечно, не убийство соседа, а игру!

- Странная какая-то игра... Это тебе твоя Жанна Гунькина насоветовала?

- Жанна рассказала мне о ролевых играх в общих чертах, а эту игру я придумала сама – в одну минуту – когда шла через парк. Вот какая у вас кровожадная и коварная жена, Геннадий Васильевич! Не боитесь спать с ней под одним одеялом? – она взяла его ладонь и прижала к курчавой поросли на своем лобке. – Ген-чик! Очнись! Это иг-ра! Игр-р-р-р-ра!!! Для долгих зимних вечеров. А летом ты раскрутишь свой бизнес, еще через пару лет у нас появятся деньги, и мы купим Пашке отдельную квартиру, если он к тому времени не сопьется окончательно. Что скажешь, дорогой муженек?

- Ч-черт... Как-то не могу врубиться... - его ладонь всё энергичнее оглаживала ее промежность.

- Фактически игра называется «Убей соседа!», - она наклонилась и потерлась налитой грудью о его щеку. – Так ты согласен поиграть в игру «Убей соседа!»? С острым перчиком? Да или нет?

Он поймал губами ее коричневый сосок и на какое-то время диалог прекратился.

Но вот Тамара отпрянула назад и выжидающе замерла.

- Давай попробуем, - выдохнул он, всё еще взбудораженный ее спонтанной лаской. – Мало ли во что играет сейчас народ! Давай сыграем в твою игру. Тем более, что ее никогда не поздно остановить.

- Нет! – возразила она. – Играть так играть! По настоящему! Иначе это – простое ребячество. Жанна сказала, что игра должна создавать впечатление реальности. – Она картинно повела плечами. - И вот что еще, Геннадий Васильевич... Ты назвал эту игру моей... Пусть так. Но если ты будешь хорошо играть в МОЮ игру, то я обещаю очень хорошо играть в ТВОЮ любимую игру – ты меня понял, да?:

- Томчик, тогда я – за! Обеими руками!

- Значит, играем?

- Играем!

Тамара снова приблизилась и порывисто поцеловала его:

- Спасибо, что согласился! А то я боялась, что ты поднимешь меня на смех! Ну, всё, Генчик,пусти! Мне надо одеваться. А вечером ты получишь всё, что только пожелаешь. И во все другие вечера тоже. И по утрам, если только у тебя останутся силы.

- Да у меня сил – девать некуда!

- Ах, ты, мой миленький половой гигант! Я так счастлива, Генчик, что ты рядом! Обещаю, больше ты ни разу не услышишь от меня отказа! Я ведь видела, как ты мучаешься... Ну, всё! Пустит, мой хороший... Мне надо одеваться.

Она отошла к стулу, на котором была сложена ее одежда.

- Ладно, с чего же мы начнем? – спросил Геннадий. – Каким способом будем «мочить» Пашку?

- Если помнишь, в январе он едва сам себя не замочил...

- Да-а... Нахлебался тогда Пашенька паленой водяры до-

сыта... Точно скопытился бы, не окажись мы рядом.

Тамара вздохнула, застегивая пояс:

- Какими же дураками мы были! Всего-то и надо было – ничего не делать. И комната отошла бы нам. А мы откачивали этого алкаша как родного, вытирали за ним блевотину, вызывали «скорую»...

- Ну, что ты, Томочка! Мы всё сделали правильно. По-соседски. По-людски. Ладно. Значит, будем якобы травить его водкой?

- Что ты, Гена! Разве можно так подставляться?! Это же сразу вызовет подозрения! Убить надо так, чтобы на нас никто не подумал, особенно его стервозная сестрица и ее муженек в лампасах!

- Сбить мотоциклом? Столкнуть под поезд метро? Облить бензином и поджечь? – Геннадий явно иронизировал. – Может, у тебя есть подходящая идея? – характерным жестом он пригладил обеими руками свою шевелюру.

- Может, и есть, - улыбнулась она. – И знаешь, что самое пикантное? Способ этот я вычитала в Пашкиной же газете. Это будет такое элегантно-зимнее убийство.

- Зимнее?

- Ну да. Нужно же время на подготовку.

- Поэтому зимнее?

- Нет, еще и потому что оно возможно только зимой.

- Хм! Что же это за убийство?!

- Посмотри сам! – она с таинственным видом достала

из своей сумочки сложенную вчетверо бульварную газету небольшого формата: - Читай! Читай вслух! Обведенное оранжевым фломастером!

Он повертел газету в руках:

- Точно, Пашкина... « Питерские страшилки и заморочки». Да еще старая! Позапрошлогодняя!

Тамара пожала плечами:

- Не суть! Мне понадобилось завернуть туфли, и я взяла в чулане старую газету. Первую попавшуюся. И вдруг на глаза попала именно эта заметка... Читай!

Геннадий разгладил страницу ладонью и прочитал:

ОСТОРОЖНО, ОТТЕПЕЛЬ!

Несмотря на капризную погоду, сорокапятилетний мужчина прогуливался беспечно в центральной части города, в двух шагах от Невского проспекта. Внезапно с крыши здания сорвалась гигантская сосулька и упала ему на голову. С диагнозом «черепно-мозговая травма» пострадавшего доставили в Мариинскую больницу, где через несколько часов, не приходя в сознание, несчастный скончался...

- Так-так-так... Дальше пинают жилконтору, дворников, но это уже – мертвому припарки... - он повертел газету в руках и снова повторил, будто это имело решающее значение: - Старая...

- Сосульки с крыш срываются каждую зиму! – отчекани-

ла Тамара. – Между прочим, позапрошлой зимой огромная сосулька едва не проткнула насквозь нашу Лиманскую.

- Нашу Лиманскую?!

- Именно!

- Впервые слышу!

- Ты, милый, просто не запоминаешь информацию, которая тебя не интересует. А Лидолия Николаевна, между прочим, неоднократно пересказывала эту историю, притом, в твоём присутствии.

- Хм! Ладно! – он вернул жене газету. – Видишь ли, Тома, мне не хотелось бы тебя разочаровывать, но это ведь не способ убийства. Это просто несчастный случай. Можно добавить – нелепый. Назови его как хочешь, но организовать убийство падающей сосулькой невозможно. Абсолютно! Если, конечно, подойти к делу по науке. Даже для игры это слабовато. Нет никакого практического смысла.

- Ах, так! – нежданно развеселилась она. – А ну-ка, одевайся!

- Что такое?

- Проводишь меня до остановки. Десять минут у нас ещё есть. А по дороге я покажу тебе на конкретном примере, какой тут практический смысл!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вообще-то по улице, на которую выходил дом Завесовых, курсировал рейсовый автобус, но так редко, что его обычно

ждали одни пенсионеры. Зато всего в семи-восьми минутах ходьбы отсюда пролегал шумный проспект, изобилующий всеми видами городского транспорта. Попасть на проспект можно было несколькими путями. Тамара предпочитала ходить через парк, к которому примыкал одним своим углом их тихий квартал. Именно этой, привычной дорогой и повела она сейчас мужа.

По большому счету, парк – озелененный прямоугольник размером с футбольное поле – более заслуживал именоваться сквером, но окрестные жители подчеркнуто церемониально величали его исключительно парком. По всем направлениям парк пересекала целая сеть дорожек, лишь часть которых была когда-то спланирована озеленителями, остальные же возникли стихийно, соединив по кратчайшим линиям самые бойкие пятачки. Своей «парадной» частью парк выходил на проспект, а его боковыми границами служили совсем коротенькие улочки.

Настоящих заморозков покуда не было, и вековые деревья не спешили сменить свой все еще изумрудный наряд на более приличествующий началу октября.

Несмотря на незначительные размеры парка, в нем имелись особенные уголки. Отдельно кучковались пенсионеры, грелись на утреннем солнышке молодые мамы со своими укутанными чадами, на дальней лужайке выгуливали своих питомцев любители собак, а вокруг колченогой скамейки, втащенной в гущу кустарника, собрались местные бомжи и

выпивохи. По двум самым широким и утоптаным дорожкам, ведущим к остановкам транспорта, нескончаемой вереницей тянулся народ. И только сектор, примыкающий к левой боковой границе, производил впечатление некой заупущенности.

Именно сюда и повернула сейчас Тамара.

Супруги приблизились к металлической, частично демонтированной решетчатой ограде, за которой проходила пустынная сейчас полоска вздыбленного, разбитого асфальта. Не наблюдалось никого поблизости и со стороны парка. Две-три группы кустов сирени, будто нарочно, заслоняли Завесовых от любопытных глаз.

Практически всю противоположную сторону улочки занимал помпезный шестиэтажный дом старой постройки. Любой старожил мог бы рассказать, что еще каких-то семь-восемь лет назад на первом этаже этого здания располагались весьма популярный гастроном и еще с полдюжины небольших магазинчиков. В ту пору на этой улочке царило оживление с утра до позднего вечера. Но вот оказалось, что старое здание дало опасную усадку. Его срочно вывели в капремонт, а жильцов расселили. Ремонт начали бойко, но работы вскоре прекратились. Объект законсервировали. То есть, обнесли дощатым забором, заколотили окна первого этажа металлическими листами, а на тротуаре вдоль фасада устроили дощатый проход для пешеходов. С навесом и перилами. За последующие годы от прохода остались лишь отдель-

ные фрагменты. Тротуар, понятно, тоже никто не чинил. В еще более ужасающем состоянии пребывала проезжая часть улочки, которую раз в два года раскапывали, чтобы устранить очередную аварию проходящей под ней теплотрассы.

Вообще-то, по этой улочке до остановки было чуть-чуть ближе, чем через парк. Но уж больно неприглядной она выглядела! Не только Тамара, но и другие соседи предпочитали ходить через парк. А местные автолюбители старались не сворачивать в эту улочку, покрытую колдобинами и рытвинами после серии авральных земляных работ.

- Именно с этого дома и сорвалась сосулька, чуть не проткнувшая нашу Лидолию Николаевну, - сообщила Тамара.

- Какие же черти ее сюда занесли? – удивился Гена. – Наши люди по таким трущобам не шастают.

- Ее занесло сюда чувство гражданской ответственности, - рассмеялась Тамара. – Помнишь, в ту зиму мы целую неделю сидели без отопления? Опять прорвало трубу, и водоканал в очередной раз вскрыл улицу. Естественно, наша старая княча, как общественница-активистка, отправилась проконтролировать ход ремонта, чтобы при случае дать ценные указания.

- Да, припоминаю, тогда стояли сильные морозы. Погоди-ка, но как же в мороз могла упасть сосулька?!

- А вот слушай. Лиманская встала во-он на той точке и уже вступила в перебранку с прорабом, когда раздался свист и в каком-то метре за ее спиной в обледенелый асфальт вре-

залась огромная сосулька, сорвавшаяся с крыши. Тарараму было!

- Мне все-таки непонятно, почему в сильный мороз упала сосулька?

- От вибрации, Геночка...

- Ах, да! – он хлопнул себя по лбу. – Тогда ведь вдоль всей улицы работал тяжелая техника. Вся округа содрогалась будто при землетрясении. Ясно...

- А теперь обрати внимание, откуда именно упала сосулька. Видишь, особенность этого дома в том, что балконы есть только на пятом этаже. Каприз архитектора. Но и балконы не все одинаковые. Два из них отличаются от других. Видишь, они похожи на коконы, наполовину выступающие из здания. Такие балконы называются эркерами, или фонарями. Снизу их поддерживают облупившиеся скульптуры. То ли атланты, то ли амурчики, уже не понять. Возле одного вплотную проходит дырявая водосточная труба. Вот в зазорах между трубой и скульптурой и вырастают сосульки. Очень массивные. Каждую зиму. Я и раньше обращала на это внимание. Поскольку хожу там иногда. А после случая с Лиманской многие соседи по улице тоже говорили, что всегда боялись ходить мимо этого дома зимой. Мол, того и гляди, сосулька свалится на голову.

- Да таких домов в Питере тысячи! – воскликнул Геннадий. – С иных сосульки свешиваются гроздьями. Особенно в центре. Идешь по узкому тротуару и все время задираешь

голову, как бы тебе не сварганилось на темечко чего сверху с крыши. А тротуар-то скользкий как каток! Вот и выворачиваешь один глаз наверх, второй – вниз...

- Погоди, Генчик, не отвлекайся... Вернемся к нашей игре. Итак, нам известно место, где вырастает гигантская сосулька. Нам также известно, что эта сосулька падает не обязательно в оттепель, значит, мы получаем большую свободу маневра. В смысле выбора подходящего момента для финальной акции.

- Так-так-так... - потер переносицу Геннадий. – Но это ровным счетом ничего не меняет. Ладно – выбрали подходящий момент. А чем сбивать сосульку? Отбойным молотком, что ли? А главное, как угадать, чтобы нужный человек оказался в этот подходящий момент в нужной точке? Вот где собака зарыта!

Тамара мягко улыбнулась:

- А ведь это самое простое.

- Это – самое простое?!

- Ладно, говори, я послушаю.

Она снова указала рукой на пятый этаж:

- Смотри, оба эркера расположены по центру здания. А между ними поместился еще один маленький балкончик, открытый. Они посажены так тесно, что человек, находящийся на балконе, мог бы обмениваться рукопожатиями со своими соседями в эркерах. Каприз архитектора.

- Ну?

- А теперь представь, что наш объект в какой-то момент оказывается строго под маленьким балкончиком между эркерами. Он что-то собирает с тротуара. Может, даже припал на колени. Вот тебе идеальная мишень. И тут сверху летит, нет, не сосулька, а приготовленная заранее ледяная бомба, еще более массивная, чем сосулька. Удар, и фишка повержена. Игра закончена.

- Хм! Ледяная бомба... Это уже кое-что. А что он будет собирать с тротуара? И почему?

- Допустим, апельсины. Или орехи. А почему - это мы еще обговорим.

- То есть, ты хочешь заранее высыпать на тротуар орехи? И рассчитываешь, что он будет их подбирать? Пашка Плафонов?

Она шутливо шлепнула мужа по лбу:

- Ну, Генчик, ну, зачем ты изображаешь из себя такого тугодума?! Ты же не такой! Злишь меня, да? Или еще не проснулся?

- Том, я действительно не понимаю. Идет человек домой поздним вечером, пьет на ходу свое пиво или чего покрепче, вдруг видит под ногами орехи... И что? Он будет их подбирать? А если он вообще их не заметит? И с чего ты вдруг решила, что он пойдет домой здесь, по этой улочке?! Я, например, знаю точно, что он всегда ходит через парк.

- Все вывалил в кучу, господин скептик? Или еще оставил вопросы? Ладно, теперь слушай ответы. Он пойдет ми-

мо этого дома, потому что его поведу я.

- Ты?! – Геннадия даже передернуло.

- Да, я. А что тебя удивляет? Мы с ним как бы случайно встретимся перед магазином, где он обычно покупает свое вечернее пиво и, как добрые соседи, вместе отправимся домой...

- Так-так-так... Встретитесь, значит, перед магазином? Томочка, да ведь Пашка возвращается домой около десяти! Ты в это время всегда уже дома. Ваша встреча будет выглядеть очень подозрительно. Не для Пашки, конечно. В свете последующих пересудов.

- Не проблема. Допустим, с ноября я запишусь в бассейн. Или на лечебную гимнастику. С таким расчетом, чтобы возвращаться домой примерно в одно время с ним.

Причем, у нас состоится несколько таких якобы случайных встреч. О них будет знать достаточно широкий круг наших знакомых. Эта просто будет очередной. Само собой, начиная, может, уже с сегодняшнего вечера, я нормализую свои отношения с Пашенькой. Снова стану для него любезной и общительной соседкой.

- Ладно, - сдался Гена. - Это вполне реально. Идем дальше.

- Итак, мы встретились случайно возле магазина... У меня в руках будет тяжелая сумка и легкий пакет. Паша, как джентльмен, возьмет, конечно, сумку. Пакет останется у меня. И вот мы движемся в сторону дома...

- Стоп, а если он захочет повести тебя через парк?

- А я замечу на это, что через парк ходить боюсь. Там, мол, гололед, и я уже трижды падала. Не волнуйся, Генчик, я сама поведу его нужной дорогой. Что же касается тебя...

- Я, очевидно, в этот момент должен находиться на балконе?

- В комнате за балконом, - уточнила она. - А на балконе будет лежать уже приготовленная к пуску ледяная бомба. В руке у тебя мобильник, возьмешь на этот вечер у детей. Мой со мной. Когда мы с Пашей свернем с проспекта в улочку, я позвоню тебе. Дескать, милый, я иду, поставь чайник на газ. И не волнуйся, мол, встречать меня не нужно, потому как со мной рядом наш сосед. Для тебя это сигнал к действию.

Гена поежился:

- Аж мороз по коже! Но пока все соответствует.

- Ты легко разглядишь нас из крайнего эркера. На углу горит яркий светильник, и я проведу Пашу как раз под ним. Чтобы ты не перепутал нас с какой-нибудь похожей случайной парочкой, ведь надо предусмотреть и такой вариант. Но вот мы свернули. Идем медленно. До акции остается две-три минуты. Вполне достаточно, чтобы установить бомбу в рабочее положение.

- Так-так-так...

- Под первым эркером я споткнусь и уроню пакет. Его содержимое рассыплется. Ну, апельсины или там орехи. Надо посмотреть, что лучше катится. И чтобы это было еще неудобно собирать. Тут надо потренироваться. Чтобы хоть

несколько плодов обязательно укатились под балкон.

- Теперь я понял, - вздохнул Геннадий.

- Вот и умничка, - поощрительно улыбнулась она. – Итак, я упала . Мои орехи рассыпались. Паша, любезный кавалер, тут же бросается мне на помощь. Я жалуясь на боль в колене. Он сочувствует. Успокаивает. Но вот я улыбаюсь. Настал черед собирать орехи. Он наклоняется. Дальше рассказывать?

- Ну ты даешь, подруга! – воскликнул потрясенный Геннадий. – Не ожидал. Ей богу, не ожидал! Тебе бы романы писать!

- Пашкиного слога у меня нет, милый. А то попробовала бы. Да, и последняя деталь. Осколки ледяной бомбы могут показаться кому-то странными. Поэтому, после того, как все произойдет, я подтолкну самые крупные из них на люк теплотрассы, во-он на тот самый. Они сейчас теплый, а зимой от него столбом валит пар. Ледышка успеет основательно подтаять... И все. Никаких следов. Ну? Что скажешь? – она вопросительно посмотрела на мужа.

- У меня в голове не укладывается, как ты все это ловко придумала!

- Мне всего-навсего попалась на глаза старая заметка, а всё остальное приложилось.

- Тут и конец веревочке! То есть, игре! – резюмировал Геннадий. - Ты все расписала так подробно, что мне совершенно нечего добавить.

- О чем ты говоришь, Геночка! – всплеснула она руками.

- Игра только начинается. Мы всего лишь обрисовали условия и наметили план. Самый общий. А детали? Например, ледяная бомба. Как ее изготовить? Как подвесить? Как освободить в нужный момент? Сколько времени она будет лететь до земли? Я понятия не имею. Это должен придумать и подготовить ты, с твоей светлой головой и золотыми руками. А какова обстановка внутри здания? Может, там все двери намертво заколочены или заварены, и к балкону вообще невозможно подобраться? Тогда и план нуждается в серьезной корректировке.

- Ты предлагаешь мне забраться внутрь? – изумился он, кивая на расселенный дом.

- Ну, Генчик... - просяще улыбнулась она. – Ну, не смотри так. Это же просто игра. Ну, ты же дал слово отнестись серьезно!

- Нет, я просто не думал, что надо что-то делать конкретно, - развел он руками. – Я думал, мы будем сидеть на диване за чашкой кофе и сочинять этот сюжет дальше.

- Именно так и будет, - кивнула она. – Но чтобы развивать игру, необходимо учитывать реальные подробности. Только и всего.

Он поднял голову, окинув взглядом закопченный фасад дома, нижний этаж которого был сложен из пиленого камня, а верхние из темнокрасного кирпича, дома, дома, который, несмотря на свою запущенность и широкую трещину, как бы разрубавшую его от крыши до каменной кладки, все

еще производил величественно-мрачное впечатление.

- Да какие проблемы, Томчик?! Вот схожу за картошкой, а после прошвырнусь по этому бомжатнику...

- Хорошо, что напомнил!- она предостерегающе вскинула указательный пальчик. – Когда пойдешь в свою разведку, осмотрись внимательней, нет ли внутри бомжей. Нам не нужны лишние свидетели... - тут она глянула на часики и вскрикнула: - О, боже, вот что

значит увлечься! Я же опаздываю... Все, милый! Не прожай меня дальше! – приблизилась вплотную: - Генчик, сделай все, о чем я прошу. А главное – отдохни днем как следует, потому что...- она прижалась к нему и, встав на цыпочки, быстро-быстро пощекотала языком мочку его уха, - потому что вечером я тебе не дам уснуть... долго... Я тебя люблю, мой хороший!

- Я тебя тоже люблю! – он прижал ее к себе.

Но вот она высвободилась и быстрым шагом направилась к остановке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прощавшись с женой, Геннадий двинулся в обратный путь. Неспешно. А куда ему торопиться? У него сегодня выходной...

Почти бессонная ночь, нежданная (и желанная!) нежность жены, ошеломительный проект игры «Убей соседа!» -

всё это смешалось в голове, возбуждая свежие мысли.

Он остановился, с неожиданным интересом оглядевшись по сторонам.

А ведь Тамара права. Чего ради отсюда переезжать? Здесь всё своё, родное, знакомое...

Вот на этом пяточке, уже на выходе из парка, они с Тамарой познакомились одиннадцать лет назад (около того). При весьма романтических обстоятельствах.

Собственно, в тот слякотный мартовский вечер он выслеживал ее. Да-да, выслеживал. Увидел в автобусе хорошенькую девушку и влюбился в нее с первого взгляда. Два-три раза перехватил ее мимолетный – строгий – взгляд и... на него накатила волна непривычной робости. И всё же план действий сложился сам собой. Геннадий решил сойти вместе с девушкой на ее остановке, незаметно, держась на приличном расстоянии, сопроводить ее до дома, а там – там будет видно. Главное, не дать ей исчезнуть в толчее огромного, плохо знакомого ему города.

Он двинулся за ней через пустынный полутемный парк. Погода стояла скверная, шел дождь пополам со снегом, задувал колючий ветер.

И вот на этом самом пяточке на Тамару напали трое отморожков. Похоже, наркоманов, которым во что бы то ни стало надо было раздобыть денег на косячок. Заприметив одинокую девушку в шубке, с сумочкой в руке и посчитав, очевидно, что верещать она не станет, они вышли из укрытия,

окружив ее кольцом.

Девушка оказалась не робкого десятка – принялась отбиваться, лягаться и кричать. Тут и Геннадий подрос. А уж бойцовскими качествами бог его не обделил. Схватка была короткой, но яростной. Нападавшие, прихрамывая, позорно бежали с поля боя. Один, правда, успел прихватить с собой ее сумочку. Геннадий догнал похитителя, сумочку отнял, награбил придурка мощным пинком под зад, после чего вернулся к прекрасной незнакомке, протягивая ей трофей. В горячке он даже не заметил, что и ему досталось: губа была разбита, и кровь тоненькой струйкой стекала к подбородку. Мужественному подбородку с ямочкой. Кроме того, был надорван рукав его куртки.

Тамара вытерла ему кровь своим платочком и тут же пригласила доблестного защитника к себе домой, дабы он мог привести себя в порядок.

Так, в один вечер, Геннадий познакомился не только с девушкой своей мечты, но и с ее матерью Полиной Викторовной – культурной и образованной молоденькой дамой, коренной ленинградкой.

Узнав о происшествии, Полина Викторовна поначалу переполошилась: никогда, мол, в нашем тихом уголке не бывало ничего подобного! И каким только ветром занесло сюда этих хулиганов?!

(А Геннадий был несказанно рад. До чего же вовремя появились эти придурки!)

За чаем, приглядевшись к защитнику, Полина Викторовна учинила ему форменный допрос: кто таков? Чем занимается? Где живет?

Геннадий ничего не скрывал: двадцать один год, родом из забайкальской глубинки, вся родня по-прежнему обитает там, а он решил после армии остаться в Питере, пустить здесь корни. Основная профессия – водитель, но знает и столярное дело. Пока работает на стройке, зато сразу дали временную прописку и место в общежитии. Ничего, он сильный – пробьется...

Похоже, своим зорким женским глазом Полина Викторовна, что дело тут серьезное. Конечно, она желала для своего дочери-студентки другого жениха – более образованного, более перспективного и обеспеченного. Но ей хватило ума понять, что изменить что-либо уже не в ее власти.

Через какой-то месяц Геннадий перебрался под новую крышу.

Да, это была коммуналка. Но какая! Закачаешься! И суть не в том, что после многолюдного, шумного общежития, после неудобной комнаты на восемь человек любое отдельное помещение показалось бы ему раем.

Нет, эта коммуналка действительно была нетипичной. Дворец, а не коммуналка!

Во-первых, размещалась она не в обшарпанной развалюхе старой постройки и не в блочной многоэтажке, а в аккуратном двухэтажном коттедже, занимая его целиком.

Коттедж стоял в ряду трех дюжин точно таких же особнячков. Геннадий даже не подозревал, что в северной столице, с ее перенаселенностью, с ее неухоженными проходными дворами и с замусоренными пустырями в спальных районах, есть такие тихие, симпатичные уголки!

Потрясла его и сама квартира: двухуровневая, с огромной общей гостиной, с витой лестницей и антресолями. Да еще огороженный участок вокруг дома: хочешь – ставь гараж, Хочешь – копай грядки и выращивай петрушку! Идиллия!

Уже позднее Геннадий узнал, что этот мини-городок был построен когда-то специально для сотрудников некоего закрытого, весьма престижного НИИ, в котором работала и Полина Викторовна. Строили по самым современным на ту пору меркам – по «формуле будущего»: одна комната на каждого члена семьи плюс общая гостиная на семью. Проектировщики исходили из расчета, что средняя семья состоит у нас из четырех человек. То есть, в каждом коттедже имелись четыре жилые комнаты, одна гостиная общего пользования плюс подсобные помещения.

Но когда дело коснулось распределения, то выяснилось, что большинство потенциальных новоселов – люди малосемейные. Вот и пришлось давать кому комнату, кому две. Зато общая – проходная – гостиная так и осталась общей и даже была обставлена мебелью за счет ведомства.

Геннадий ничуть не удивился, узнав, что обитатели коттеджей называют этот уголок «нашей деревней». Своего рода

сельская идиллия. Со всеми удобствами мегаполиса.

Когда городок только еще возводили, здесь была городская окраина. Но очень скоро, благодаря прокладке новой линии метро, этот район стал бурно застраиваться и обрел статус престижного.

Здания современной архитектуры, торговые центры, магазины, рынки, кафе, транспорт, вся полагающаяся инфраструктура... И тихий уголок в сердце этого района – «наша деревня»...

Если обитаешь в коммуналке, то чрезвычайно важно, кто твои соседи. Бывают опасные соседи, бывают буйные, шумные, сволочные, скандальные, чокнутые...

Люди, которых Геннадий встретил в этой коммуналке, будто сошли с кадров старых добрых кинолент. Классические ленинградские интеллигенты – вежливые, культурные, обходительные, любезные, необыкновенно терпеливые, толерантные и всепонимающие... Не то что мата – грубого слова от них не услышишь!

Полина Викторовна и Тамара занимали две комнаты на антресолях. Вторую комнату Полине Викторовне дали за ее ответственную должность (завлабораторией) и кандидатское звание. Будь семья побольше, ей могли бы дать и отдельный коттедж. Между прочим, бывалые люди советовали Полине Викторовне заключить с этой целью фиктивный брак. Но та с негодованием отвергла столь недостойное предложение.

Третью комнату на антресолях занимал старенький изобретатель, о котором говорили, что он – современный Кулибин. Это был в высшей степени деликатный человек, готовый на любые самоограничения ради спокойствия ближнего. Вдобавок, он месяцами пропадал на каких-то испытательных полигонах.

Наконец, единственную комнату внизу занимала профсоюзная активистка Лиманская-старшая с великовозрастной дочерью Лидолией. Похоже, активистка была всё-таки чуточку уязвлена, что ей дали на двоих только одну комнату, а Полине Викторовне – тоже на двоих – две. Но это недовольство проявлялось лишь в форме намеков, когда иной раз, пыхтя «Беломором», Лиманская-старшая пускалась в туманные рассуждения о принципах социальной справедливости.

В целом же, коммуналка жила дружно. Вместе справляли праздники, дни рождения, выручали друг друга до полочки, взаимно выполняли мелкие поручения – купить хлеб, кефир, ну а если, не дай бог, кто-либо заболел, то его выхаживали всей коммуналкой.

О кухонных скандалах здесь понятия не имели, к давлению быта относились с тем же философским спокойствием, что и к давлению атмосферному.

Геннадий вполне вписался в этот сложившееся сообщество.

Рядом с ним Тамара оставалась восторженной молодой женщиной, будто стесняющейся твердости своего характера,

проявления которого нет-нет да и давали о себе знать. К примеру, она отвадила от дома всех своих институтских подруг, видимо, ревнуя их к Защитнику, который, между прочим, не давал ей ни малейшего повода к тому. Геннадий тоже не стал приглашать в дом своих товарищей по работе – но не из ревности, а опасаясь их грубоватости. Супругам и вдвоем было хорошо.

Через некоторое время Полина Викторовна перешла на работу в одну весьма солидную фирму со смешанным капиталом. Е. заработки существенно возросли. Когда родились внуки (Сережа, а через год Дима), она даже оплачивала няню, чтобы Тамара смогла закончить свою учебу в университете по курсу менеджмента и рекламы.

А еще через год в канун третьей годовщины их свадьбы Полина Викторовна сказала им следующее:

- Вот что, дети! Я вижу, семья у вас сложилась. Крепкая семья. Пора бы вам подумать об отдельном жилье. Сегодня я открыла в одном коммерческом банке счет на предъявителя, куда буду ежемесячно перечислять энную сумму. Если всё пойдет хорошо, то лет через семь-восемь вы сможете купить себе трехкомнатную квартиру в приличном районе. Если хотите сократить этот срок, то постарайтесь и сами что-нибудь заработать. А я останусь здесь, с соседями...

Но всё получилось не так.

Вскоре в коммунальной квартире начались большие перемены.

Нежданно для всех умерла Лиманская-старшая, казавшаяся вечной. Простудилась на каком-то предвыборном митинге, затемпературила, слегла, да так уж и не поднялась.

Еще через год- тоже неожиданно для всех – старичка-изобретателя забрали в Москву на какую-то важную должность. С предоставлением двухкомнатной квартиры. «Кулибин» оказался не таким-то уж одуванчиком. В свою комнату он прописал какого-то дальнего родственника, которого, впрочем, в коммуналке мало кто видел, ибо тот сразу же включился в длинную цепочку обмена-купли-продажи. В результате в комнату «Кулибина» въехал журналист Плафонов.

Поначалу Геннадий немало встревожился. Журналист – важная птица. А ну, начнет качать права! И ведь не тронь его, мигом найдутся могущественные заступники!

Но, увидев Плафонову, он сразу же успокоился. Этот человек не был опасен. И никаких особых прав качать не собирался. Да и журналист он был не из первых – работал в бульварной газетке. Желтая пресса, как ее называют.

Под шумок Геннадий занял тогда площадку на антресолях, на которую уже давно точил зуб. Просто вынес сюда всякие коробки и мешки и загородил ими проход. Плафонов так и не врубился, что антресоли – это места общего пользования. А Лиманская-дочь на второй этаж практически не поднималась.

Зато через полгода она загремела в психушку.

И опять, пользуясь случаем, супруги Завесовы расширили свои владения – заняли чулан на первом этаже. Это только название такое – чулан. А фактически – это комната площадью двенадцать квадратов. Хотя и без окон. Геннадий провёл сюда свет, навесил вдоль стен длинные полки, а в дверь врезал ригельный замок. Был чулан – стала мастерская. Мало ли что приходится чинить по дому!

Паша не возникал. Похоже, этот белоручка ни одного гвоздя в жизни сам не забил.

Лиманская после выписки принялась было ворчать, но Геннадий великодушно пообещал, что если у нее что-нибудь сломается, то он починит без промедления и качественно. Притом, Лиманской и хранить-то в чулане было нечего.

Чулан, как и антресоли, остался за Завесовыми.

А еще через год стряслась большая беда.

Полина Викторовна скоропостижно скончалась в своем рабочем кабинете. Сердечная недостаточность. Позднее до Завесовых дошли слухи, что Полина Викторовна умерла не сразу. Если бы кто-нибудь заглянул в ее кабинет и вызвал скорую, то ее еще можно было спасти. И вот ведь какой парадокс: дверь в ее кабинет практически не закрывалась, сотрудники один за другим тянулись с какими-то вопросами, а в тот день – как отрезало!

Второй мощный стресс обрушился на супругов через неделю после похорон, когда они узнали, что коммерческий банк, в котором Полина Викторовна хранила не только вклад

на будущую квартиру, но и все свои прочие личные сбережения, лопнул самым преступным образом...

Вот тут-то, кажется, Тамара и перестал стесняться как твердости своего характера, так и остроты своего язычка. Именно в этот период она впервые заговорила об удаче, которая приходит и уходит, независимо от личных качеств ожидающего.

Праздников совместно более не отмечали, но периодически угощали друг друга выпечкой и вареньем. Именинников поздравляли, за больными ухаживали. Лиманская и Плафонов то и дело пикировались между собой, но как-то тихо, подомашнему. Пикировались и следом мирились.

Вот так незаметно – от события к событию – в их «элитной» коммуналке сложилась новая обстановка, контры которой сохранялись и поныне.

На общей кухне (да и в общей гостиной) решающее право голоса принадлежало теперь Тамаре. Плафонов вообще побаивался ее, Лиманская могла пуститься в пустяковый спор, но всё равно всегда выходило так, как наметила Тамара.

По сути, Завесовы стали здесь неформальными хозяевами.

А минувшим летом у них появилась реальная надежда сделаться уже юридическими владельцами всей квартиры. Всё шло к тому, но...

Тамара права: удача подразнила их и отвернулась.

Ладно, не надо лишний раз беречь рану...

Всё еще погруженный в воспоминания, Геннадий обвел взглядом «нашу деревню».

Вот идет вечно озабоченная Эмма – «наш почтальон Печкин», на перекрестке метет тротуар громкоголосая уборщица Шура, рядом подстригает живую изгородь бравый ветеран Иван Кондратьевич, а чуть дальше выходит из калитки почтенный профессор университета...

Вокруг – только знакомые лица, с любым из соседей по «деревне» можно перекинуться словечком, покалякать на ходу о том о сем, зная, что и ты здесь свой, что если вдруг в твой дом сунется чужак, то это не останется без должной реакции...

Нет, хорошо и спокойно в «нашей деревне»! Это тебе не район многоэтажек, где даже соседи по подъезду не всегда знают друг друга в лицо, и не «двор чудес», где опустившиеся люди собачатся между собой с утра до ночи...

Геннадию вдруг припомнилось, что когда он только обосновался здесь, то примерно три четверти всех коттеджей являлись коммуналками. А сейчас коммунальных квартир осталось всего три-четыре. На тридцать шесть коттеджей.

Люди как-то сумели подсутиться, расселить соседей... По взаимному согласию – без всяких убийств... А уж став владельцем всего домика, каждый начал обживать все-серьез и надолго. Многие сделали евроремонт, обновили фасад, пристроили большую веранду, поставили удобный гараж, беседки, увитые плющом, разбили под окнами цветни-

ки и клумбы, обнесли свои участки плотной живой изгородью, врезав в нее металлические ворота и калитки на кирпичных столбиках... Некоторые устроили даже крытые бассейны...

И лишь коммунальных коттеджей не коснулись приятные перемены.

Всего три-четыре домика. В том числе тот, где обитают они, Завесовы. Вот что всё сильнее бесит Тамару! Нет, она вовсе не рвется в ряды первых, но и быть среди последних не желает.

«Что мы скажем детям, когда они подрастут еще немного? – спрашивала она и раньше. – Что мы – неудачники? Что не можем заработать на достойное жилье?» Ну а минувшее лето...

Ладно! Вот придет следующее лето, и всё изменится к лучшему. Он раскрутит свой малый бизнес и, глядишь, через пару-тройку лет у них появятся деньги, чтобы отселить сначала Пашку, затем – Лиманскую.

А пока...

Что ж, пока поиграем в игру «Убей соседа!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войдя в прихожую, Геннадий закрыл за собой дверь и принялся переобуваться.

В ближнем углу виселось ажурное полуметровое со-

оружие, похожее одновременно на башенку с бойницами и на стилизованную елку.

Это и было наглядное воплощение его идеи. Будущий источник дохода семьи.

Башня-вешалка для обуви.

Пару лет назад он увидел нечто подобное в магазине. Но тот образец был низким, неудобным, изготовленным из дешевой пластмассы и не имевшим товарного вида.

Однако сама идея Геннадию понравилась. У них вечно обувь валяется под ногами. А если ее убрать в такую башню... И порядка станет больше, и место освободится...

Пофантазировав немного, он в течение недели смастерил из легких деревянных планок (как-никак, закончил училище по специальности «столяр-краснодеревщик») собственный образец – компактный, вместительный, эстетически привлекательный. И установил его в прихожей. Для общего пользования. Чтобы Тамаре не наступать всякий раз на ботинки госпоина Плафонова или прогулочные тапки мадемуазель Лиманской.

Тамара, увидав башню, всплеснула руками:

- Генчик, это же гениальная находка! В Питере, с нашими куцыми квадратными метрами, многие купили бы в дом такую удобную вещь! Сколько она может стоить? Давай составим смету!

Получилось— терпимо.

Геннадий внес несколько усовершенствований, сделал

башню разборной. Смастерил еще несколько штук. Тамара показала у себя на работе – оторвали с руками!

Вот тогда и родилась идея наладить свой малый бизнес.

Но не в чулане же выстругивать эти планки! И не кустарным же способом!

Геннадий начал наводить мосты. Тамара тоже.

Потенциальных помощников он нашел быстро. Двое трезвых мужиков, у которых руки росли откуда надо, соглашались месяц-другой работать на голом энтузиазме. Деньги на закупку материалов и хотя бы простейшего оборудования были.

Вопрос уперся в аренду подходящего помещения – с правом производства лакокрасочных работ. Они не думали, что это так дорого.

Но тут им сказочно повезло.

Однажды, в конце минувшего апреля, Геннадий встретил на улице Федора Лапина, бывшего сослуживца. Оказалось, тот теперь не последний человек в районной администрации.

Геннадий в двух словах рассказал приятелю о своих мытарствах.

«Какие проблемы, старина! – похлопал его по плечу Федор. – Сделаем в лучшем виде! Но – летом. И обойдется это тебе по нулям. Ну, поставишь после раскрутки пару кони-ны...»

Федор сдержал обещание. Устроил Геннадию уже оборудованный для лакокраски цех. В одном из профтехучилищ

района. Летом, когда начались каникулы. Минувшим летом. Поначалу колесо завертелось бойко. Но затем...

Ладно, чего вспоминать о том, что не сбылось! Федор, конечно, подложил ему свинью. Друг, называется... Ладно!

Геннадий надел тапочки и прошел в гостиную. Остановился посередине, снова оглядевшись.

Вся квартира была перед ним как на ладони.

В гостиной можно было играть если не в футзал, то уж в «парагвай» наверняка. Справа к прихожей примыкал тот самый чуланчик. Слева – туалет и ванная, отдельные, конечно, и тоже нетесные. Причем, перед туалетом имелся небольшой коридорчик, как бы подчеркивающий понятную изоляцию этого деликатного места.

Обстановка гостиной, отделанной панелями под дуб, с высоченными потолками и умопомрачительной (дешевое стекло) люстрой, состояла из стола, дивана, двух кресел, телефонной тумбочки и самого аппарата. Всё было общее.

Сюда же, в гостиную, выходила дверь комнаты, принадлежащей Лиманской. Коленчатый коридор замыкался на кухню, перед которой имелась еще одна подсобка, так называемая бельевая.

Слева от комнаты Лиманской поднималась винтовая лестница, которая вела на деревянные антресоли с резными перилами, полуovalом нависавшими над гостиной.

На антресоли выходили двери еще трех комнат.

Первую по счету, расположенную непосредственно над

жилищем Лиманской, занимал Плафонов. Следующую – супруги Завесовы. Их комната находилась над чуланом и прихожей. Наконец, в дальней угловой комнате, тоже завесовской, обосновались их сыновья-школьники, Сережа и Дима. Детская комната располагалась над сантехническим блоком и частью кухни. За детской антресоли заканчивались небольшой площадкой, откуда вниз, на кухню, вела еще одна лестница, узенькая и тесная, с высокими ступеньками, крайне неудобная даже для ловкого человека. Впрочем, этой лесенкой давно уже не пользовались, а площадку за детской глава семейства заполнил старыми вещами, раскладушками, тюками, коробками и прочим скарбом.

Давно уже не пользовались и «черным» ходом. Маленькая дверца, находящаяся под кухонной лесенкой, была закрыта на мощный запор и кованый крючок, да еще задрапирована ситцевой занавеской, и вообще, про нее, эту дверь, кажется, уже забыли все жильцы.

Тут Геннадий уловил голоса, доносившиеся с кухни. Сделал пару шагов вперед, к осевой линии кухонного коридора. Теперь голоса слышались отчетливо.

Ну, да, традиционная утренняя пикировка Лиманской и Плафопова. - Вы меня, конечно, извините, Павел, но я снова буду вас ругать! – тоном строгой моралистки возвестила Лиманская.

- Вас не привыкать, уважаемая Лидолия Николаевна! – не без язвительности, но вполне благодушно отвечал Плафопо-

нов. – Но любопытно было бы узнать, в чем я провинился на сей раз ?

На голоса накладывалось позвякивание посуды.

- Вы опять расхаживали по комнате всю ночь! Думаете, приятно, когда у тебя беспрерывно топают над головой?! Я не могла уснуть. Вы меня совершенно не уважаете! – впрочем, голос тоже звучал вполне мирно.

- Старая песня о главном! – хмыкнул Плафонов. – Вы не должны так говорить! Вы же прекрасно осведомлены, сколько жертв я принес на алтарь этого вашего каприза! Я купил ковролин, я даже перестал надевать тапочки, хожу исключительно в носках! Ну, хотите, буду ходить босиком?!

- Это не поможет! И это вовсе не каприз! У вас полы скрипят!

- Что же мне теперь – летать?! Или ходить по потолку? Извините, не обучен!

- Вообще-то, нормальные люди ночью спят, а не слоняются по комнате.

- Нормальные, вроде вас, может и спят. А я – ненормальный.

- Некрасивые намеки себе позволяете, Павел Алексеевич! – уже нервнее заявила та. – Недостойные коренного петербуржца.

- Вот только давайте без демагогии! – закричал он. – Я – творческая личность! Журналист! Сова по своей природе! Могут работать только по ночам!

- Вот и работайте. Сидя за столом.

- А я не могу – сидя за столом! – начал благородно закипать Плафонов. – Я должен двигаться! Чтобы мысль пульсировала!

- Если не можете не ходить, то почините полы!

- Да как же я их почию?! Я же не плотник! И даже не этот, как его там, столяр!

- Ну так наймите мастера!

- У меня нет времени заниматься бытом! Я творческая личность!

- А пить у вас время есть?!

- Питейный ритуал, уважаемая Лидолия Николаевна, это составная, можно сказать, священная часть творческого процесса!

- А вот я подам в милицию заявление, что вы регулярно нарушаете закон о тишине! Пускай вас для начала оштрафуют! Будете знать! И не воображайте, что ваш приятель капитан Абоймов положит мое заявление под сукно, как в прошлый раз! Я дойду до самого главного милицейского начальника! Минуй вашего Абоймова! Никому не позволено нарушать закон!

«Капитан Абоймов!» - отметил про себя Геннадий.

- Уважаемая Лидолия Николаевна! – повысил голос и Плафонов. - Во-первых, официально вам заявляю, что капитан Абоймов мне не кум, не сват и не собутыльник. Это глубоко порядочный, честный, мужественный офицер мили-

ции, гроза бандитов и хулиганов, герой моего лучшего очерка, а еще страстный поклонник высокой поэзии, что само по себе большая редкость в наше торгашеское время. Убедительно прошу не втягивать его в наши коммунальные разборки! Во-вторых, ставлю вас в известность, что на ваше заявление, паче чаяния оно появится, я немедленно подам встречное, и еще неизвестно, кто окажется более уязвим в глазах неподкупной Фемиды!

- Это любопытно. В чем же вы собираетесь меня обвинить?

- В свои дежурства вы моете места общего пользования, в частности, туалет, с добавлением хлорки, отлично зная, что у меня аллергия на это вещество. Это уже не шутки! Это умышленное причинение вреда здоровью квартиросъемщика.

- А блевать мимо унитаза – это шутки, да?!

- Низкая клевета! Я никогда не блюю! Особенно мимо унитаза!

- А ваш друг? Ну, плюгавенький? Кандыбин?

- Побойтесь бога, Лидолия Николаевна! Кандыбин – он же тишайший из тишайших!

- Тишайший... - Она вдруг взорвалась: - Нет, я не понимаю! Жить в Петербурге, в нашем прекрасном сказочном городе, и убивать время на пьянку! Вот скажите, когда вы в последний раз были в музее, только честно?!

- Если честно? На прошлой неделе.

- Быть такого не может! Ну и что же это за музей?

- А это новый музей. О нем еще не все знают. Музей водки.

- Вам бы только ерничать!

Глухое ворчание. Пауза. Затем – размеренная декламация Плафонова:

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,

И только круглые глупцы любимцы рока.

Чтоб ласковей ко мне был рок, подай сюда

Кувшин мутящего наш ум хмельного сока.*

В другое время Геннадий не стал бы слушать все эти пререкания, известные ему до мелочей. Поднялся бы к себе и завалился бы спать. Но сейчас ему вдруг захотелось новыми глазами взглянуть на соседей, одного из которых надо было «убить», а другую – «упечь в психушку».

Решительной походкой он прошел на кухню и поздоровался.

При его появлении спор прекратился, лица озарились улыбками.

Лиманская, как обычно по утрам, варила себе овсяную кашу с курагой и изюмом. Она

была в своем восточном халате, обтягивающем ее полные плечи и необъятный бюст. Черные и жесткие, с легкой проседью волосы намотаны на бигуди, в колючих глазках-бусинках – неуступчивая решимость бороться за общественное благо

всеми доступными средствами. По виду сроду не догадаешься, что дама состоит на учете в психушке.

Павел Плафонов – упитанный румяный тридцатидвухлетний близорукий шатен с аккуратной ниточкой черных усов, гладко выбритым безвольным подбородком и наметившейся лысинкой на мощном затылке – как всегда по утрам жарил магазинные котлеты – до золотисто-коричневой корочки. Судя по всему, он мучился с похмелья.

- Геночка, может, вы возьмете шефство над этим неумейкой? – взмолилась

Лиманская. - Ведь в ваших комнатах тоже, наверное, слышен этот ужасный скрип, когда он мечется по комнате, будто слон по посудной лавке?!

- Нет, мы ничего не слышим, - объяснил Гена уже, наверное, в сотый раз. – Я уже давно усилил звукоизоляцию.

- Ах, какой вы молодец! И всё-то у вас ладно! Вот Паша – тоже представительный мужчина. Но совсем другого сорта. Он – как сытый кот-лежебока...

- Это я-то кот?! – возмутился Плафонов. – Да еще сытый?! Ну, спасибочки!

- Только не обижайтесь, Паша. Я говорю о впечатлении. Да, кот. А вот Гена – викинг, настоящий северный викинг!

- Полы скрипят... - проворчал Плафонов. – Вот нашли проблему! Хряпнули бы на ночь снотворного и спали бы сном праведника! А хотите, подарю вам затычки для ушей? Беруши!

- Благодарю покорно! От вас, работника культуры, такой пошлятины я не ожидала! – Лиманская поджала губы.

А Плафонов уже обращался к Геннадию:

- Кстати, я там свежие газетки принес. Лежат как обычно в гостиной на столе. Есть и «Звездная пыльца», это специально для вашей Тамары.

- Спасибо... - отвесив соседям общий поклон, Геннадий снова вышел в гостиную.

На столе и вправду лежали несколько экземпляров тоненьких, с крикливыми яркими обложками журнальчиков.

Один из них – «Звездная пыльца» - содержал гороскопы, астрологические прогнозы, всякого рода предсказания, а также инсинуации вокруг феномена человеческой судьбы. Сам Геннадий подобными текстами абсолютно не интересовался. А если и просматривал их по диагонали, то разве лишь для того, чтобы еще раз подивиться людскому легковерию. Не то Тамара. «Звездная пыльца» была единственным из журнальчиков, выпускаемых издательским домом «Балт-магазин», где служил Плафонов, который она читала от корки до корки. Бывало, что и она отпускала шпильки по адресу астрологов и прорицателей, однако Геннадий давно уже заметил, что если гороскоп оказывался благоприятным, то у Тамары улучшалось настроение, если же тот содержал указания на возможные неприятности, то она могла даже изменить принятое ранее решение.

Второй из лежавших на столе журнальчиков назывался «Петербургские страшилки и заморочки». Именно в его редакции и трудился Плафонов. Это был остренький такой ви-негрет из криминала, мистики, легкой эротики, псевдозагадок истории и природы, всяческих курьезов. Когда-то Геннадий читал его взахлеб, но выяснив у Плафопова, что большинство материалов сочиняется в редакции, интерес утратил. Но журнальчик все-таки перелистывал.

Вот и сейчас он прихватил его с собой, чтобы полистать пред сном. Глаза уже слипались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вечер.

Геннадий зашел в детскую комнату, чтобы уложить мальчишек спать. Это становилось все более хлопотной проблемой. Младшего, Диму, не оторвать от компьютера, старший упорствует в другом – отрабатывает стойку на руках, резко прогибаясь и ударяя пятками в их общую стену, отчего в серванте звенит посуда, а с потолка сыпется штукатурка.

- Сережа, мама расстраивается, когда ты делаешь так, - привел решающий аргумент глава семьи.

- Пап, но я же не могу заниматься вполсилы! – возразил тот, скидывая дерзкие глаза.

- Ладно, вход всегда найдется. Давай сообразим, как нам приспособить для этой цели старую подушку...

Какое-то время они обсуждали эту проблему.

Сережа собирался взяться за дело прямо сейчас, но отец был непреклонен:

- Э, нет, тут за пять минут не управиться. Да и без стука не обойтись, а мама уже отдыхает. Как и Лидолия Николаевна. Вы же не хотите оказаться нарушителями закона о тишине? И нечего так улыбаться! Все! По кроватям! Но сначала признавайтесь, кто еще не успел почистить зубы?

Не отступая от тактики кнута и пряника, он проследил, чтобы дети улеглись, пожелал им спокойной ночи, выключил свет и вернулся в свою комнату.

Тамара в своем черно-золотистом халатике сидела на диване, массируя полотенцем влажные после душа волосы.

Наконец-то, можно было расслабиться.

Он подошел к ней сзади, обнял за плечи, поцеловал в затылок. Правой рукой скользнул ниже.

Она остановила его ладонь на своей груди, подержала немного, погладила, затем мягко, но решительно отвела в сторону:

Он: - А кто-то обещал быть ласковой...

Она: - А кто-то обещал всерьез играть в игру «Убей соседа!»

- Значит, сначала игра?

- Конечно! Мы же условились.

- Ах, да, - вздохнул он. – Ладно... Игра так игра. Как там – «Убей соседа»? Соседа-декламатора?

- Пусть так. У тебя есть новости? Поднимался в дом?

- Поднимался, раз обещал...

- И как там? – кивком она показала ему на диван. Садись, мол, и веди себя как серьезный партнер.

Он подчинился, устроившись однако так, что колени их соприкасались.

- Да ничего особенного. Обыкновенная законсервированная стройка. Повсюду битый кирпич, стекло, куски бетона. Сломанная стремянка. Пару дырявых корыт для просеивания песка. Деревяшек почти нет. Особенно на нижних этажах. Наверняка, бомжи спалили.

- Постой! – она отодвинулась вместе с креслом, и теперь между ними появился зазор. – А как ты попал в дом? Это трудно?

- Ерунда! – пожал он плечами. – С тылу территория обнесена дырявым забором. К дыркам со всех сторон ведут чуть заметные тропинки. Но во дворе эти тропинки сливаются в одну, уже хорошо натопанную, которая ведет к центральному окну первого этажа. Это окно, как и другие, тоже забито металлическими листами, но тут лист отогнут,

Снизу подсыпана куча земли, а на нее уложена сетка от старой кровати. Заходишь по ней внутрь, как по мостику, а с той стороны подставлены пластиковые ящики – лесенка да и только!

- Значит, дом оккупирован бомжами? – нахмурилась она.

Он кивнул:

- Похоже, там постоянно кто-то ошивается. В одной из комнат первого этажа на полу – горки золы, а в углу свалены прелые матрасы. Но это, думаю, летние следы. А вот в подвале...

- Боже! – побледнела она. – Ты спускался в подвал? Один?!

- Ты же сама просила меня осмотреться внимательней, - напомнил он. – Да не пугайся так! Мне не встретилось ни души. Но там, в подвале, - я просто шел по следам – проходит теплая труба. Похоже, какая-то утечка от теплоцентрали. Так вот, возле этой трубы кто-то ночует до сих пор. Те же ящики, матрасы, всякое рваньё, а еще грязная посуда, бутылки из-под недавно употребленного портвейна и целая куча шприцов...

- Так там еще и наркоманы собираются?!

- Похоже на то.

- Нет, Геночка, этим ходом больше пользоваться нельзя! Свидетели нам не нужны. Скажи, а как-то иначе попасть внутрь нельзя?

- Да почему же нельзя?! Если, к примеру, я подгоню свой фургон сбоку, да еще поставлю на крышу ящик, то с него за просто можно дотянуться до коридорного окна второго этажа. Подтянулся на руках, и ты уже там. А дальше все открыто. Дверей внутри нет. Ни одной.

- А вдруг эти бомжи и наркоманы собираются и на верхних этажах?

- Ну, что ты! – даже рассмеялся он. – Это же малоподвижная публика! Да и что им делать наверху? Там холодно, пыльно, неудобно... Притом, похоже, дом они обшарили давно и унесли все, что можно. Нет, дальше теплой трубы они теперь не полезут.

- Какой ты молодец, милый! – кивнула Тамара. – Но на будущее очень прошу тебя, не рискуй так. Мне совсем не нравится, что ты спускался один в этот ужасный подвал.

- Эх, напрасно я тебе сказал! – вздохнул он.

- Милый, - она подалась к нему, и на минуту их колени снова соприкоснулись. – Мы с тобой – две половинки целого и должны все рассказывать друг другу. Притом, что я тебе никогда ничего не запрещала. А беспокойство мое понятное. Я очень дорожу тобой и не хочу, чтобы ты подвергался даже малейшей опасности. Особенно, когда речь идет о таком невинном занятии, как наша игра.

- Ладно, проехали...

- А что там на пятом этаже? – спросила она после паузы, снова отстранившись. – Как я поняла, проход к эркерам свободен?

- Абсолютно! Хоть на велосипеде туда въезжай! Вообще-то, два этих эркера и балкончик между ними находятся в разных комнатах, но внутренние стенки тонкие, из сухой штукатурки, и частично проломлены, так что из эркеров на балкон и обратно можно попасть, не выходя даже в коридор.

- А ты был в эркерах? Какой из них вид?

- Весь парк как на ладони. Виден кусок проспекта. И поворот с проспекта в улочку. А из другого эркера видна школа наших пацанов и даже край «нашей деревни». Дом наш, конечно, не увидишь, потому как стена перекрывает обзор. А балкон, между прочим, весь в трещинах, но держится прочно на двух вмурованных рельсах.

- Ну вот видишь, - удовлетворенно кивнула она. – Теперь мы знаем точно, что развивать игру можно. Следующий шаг – придумать, как изготовить эту самую ледяную бомбу?

- Да что же тут думать?!

- Ты уже знаешь?! – радостно изумилась она.

- Нет ничего проще! На шестом этаже, как раз над эркерами, частично разобран потолок. Крыша тоже вся дырявая. На чердаке валяется несколько толстенных досок, мокрых насквозь. Таких мокрых, что на них даже бомжи не польстились. Такие, во-первых, не утащишь, во-вторых, не разожжешь. А почему они мокрые? – он хитровато сощурился и тут же ответил: - А потому что на них постоянно льется вода. Дожди мочат верхние этажи насквозь, понимаешь?

- Нет, - призналась она. – Пока не очень.

- Словом, так. Надо взять несколько полиэтиленовых мешков, вложить их друг в дружку, и, когда польет сильный дождь, наполнить водой в нужном объеме. Завязать покрепче и приткнуть в уголок. Когда же начнутся холода, вода замерзнет, вот тебе и ледяная бомба. Перетащить ее этажом ниже – сущие пустяки. Как и ободрать полиэтилен.

- Генчик, ты – гений! – она вскочила, подбежала к нему и осыпала поцелуями.

- Да что тут такого? – пользуясь моментом, он придержал ее за руку и попытался усадить рядом.

Тамара высвободилась.

- Нет, милый, ну потерпи немного. На сегодня игру мы еще не закончили, - она вернулась в кресло.

- Я вот еще что подумал, - сказал он, поощренный ее похвалой и порывистой лаской. – Для верности лучше сделать две ледышки. Одна ведь может просто оглушить его. Типа скользнуть по касательной. Всего лишь сбить с ног. Зато уж второй можно целить точно в лоб. Ну, чтобы исключить случайность.

- Да! – энергично воскликнула она. - Именно так! Две бомбы! Ах, какой ты у меня умничка! А сколько нужно мешков?

- Главное, чтобы вода не протекала. Два – уже надежно. Но лучше три.

- На одну закладку?

- Конечно.

- Значит, на две – шесть?

- Да, шесть мешков.

- Генчик... Нужно отнести эти шесть мешков туда и спрятать где-нибудь наверху.

- Зачем?! – изумился он. – Мы же играем просто так.

- Да, но игра должна быть максимально достоверной. Ты

же мне сам рассказывал про военные учения. Там ведь тоже не убивают, но все происходит как бы взаправду, да?

- Хорошо! – кивнул он. – Я понял. Через неделю мешки будут там.

- Только не пользуйся тропинкой бомжей.

- Это само собой.

- И держись подальше от подвала.

- Конечно. Но вот что еще... Утром на кухне я случайно услышал разговор наших соседей. Мелькнула фамилия Абоймова, нашего участкового. Тебе не кажется, что если уж играть всерьез, ну, даже мешки заносить, то уж этого капитана надо обязательно учесть? В том смысле, что вдруг в несчастный случай он не поверит и тут же начнет копать. Ведь у них с Пашкой особые отношения.

На чистом лбу Тамары у переносицы пролегли вертикальные складки.

- Гена, я помню про Абоймова. Но дело не только в нем. Нам вообще надо составить список людей, входящих в пашкино окружение. Людей, которым он близок, и которые обязательно начнут строить разные догадки, если с ним что-нибудь случится. Каждого из них мы должны разобрать по косточкам. Но сначала надо собрать воедино информацию на самого Плафонова. И вообще, надо внести в нашу игру определенный порядок, - она вскочила, подбежала к серванту и достала из ящика кипу разноформатной бумаги. Бросила ее на стол: - Вот что, по-моему, необходимо... - отде-

лила от стопки самый большой лист: - сначала нужно вычертить игровое поле, Вот здесь – в центре- нарисуй план расселенного дома. Обозначь все подходы. Эркеры, балкончик... Парк, улочку, краешек «нашей деревни»... А здесь – часть проспекта... Затем, - она разыскала в кипе бумаг лист плотного картона, - надо сделать фишки. Фишки участников игры. Просто вырезать кругляшки или квадратики и подписать их. А главную фишку – Пашу Плафонова – покрасить красным. Затем – информариум. Лучше сделать его в виде карт. Сколько и каких понадобится карт, будет проясняться по ходу игры. Но уже сейчас понятно, что по отдельной карте нужно завести на каждую фишку. – Она скомплектовала одинаковые четвертушки бумаги: - Вот! Записывать будем лаконично, самые выжимки, но не упуская из виду ничего существенного. Вот тогда, увидишь, игра у нас пойдет по-настоящему! А когда игра закончится, мы все бумаги сожжем!

Геннадий взъерошил обеими руками свою пышную шевелюру:

- Так-так-так... В принципе, я не против. Давай будем записывать. Это правильно, потому что многое забывается... Но всё же, я думаю, что – пускай игра, - но эти бумаги надо держать подальше от детей. Под замком. Будет не очень здорово, если однажды вся эта детективщина попадет на глаза нашим пацанам, согласна?

- Вот тут, Генчик, ты прав на все сто!

Оба тут же начали озираться по сторонам в поисках под-

ходящего тайника.

- Постой-ка! – Геннадий подскочил к шкафу и выдернул из-под груды коробок, пирамидой высящихся наверху, запыленный «дипломат». Между прочим, подарок Федора на день рождения. Подарок, которым Геннадий ни разу так и не воспользовался. Нет, не из-за обиды. Просто эта вещица при его работе была непрактичной. Геннадий предпочитал свою старую кожаную наплечную сумку. Потертую, зато безразмерную. Ему ведь приходилось носить с собой сменную одежду, обед, инструмент и много чего другого. Но вот и подарочек пригодился.

Они тут же договорились, что каждый вечер после завершения игры, будут снова ставить запертый «дипломат» под коробки на шкаф. Единственный ключик от «дипломата» Геннадий тут же нанизал на связку своих ключей. Всё, теперь за сохранность информариума можно было не беспокоиться.

Тут же, не мешкая, он весьма картинно – цветными фломастерами – изобразил игровое поле. Вообще, рука у него была твердой. Всякие эскизы и рисунки с натуры получались неплохо. К примеру, эскиз башни-вешалки он сначала тоже нарисовал.

Пока он раскрашивал игровое поле, Тамара нарезала из картона фишек, но подписала пока только одну: Плафонов.

Геннадий решил было, что на сегодня игра закончена и пора получать обещанную награду, но Тамара всё же настояла на том, чтобы заполнить карточку на Плафопова.

Карточка получилась составной, из трех листочков, исписанных его мелким почерком. Что поделаешь, информации набралось много, а Тамара ведь не хотела упустить ни одной мелочи.

Вот что содержалось в карточках.

« ПАША ПЛАФОНОВ И ЕГО ПРИВЫЧКИ »

Плафонов Павел Алексеевич, 32 года. Видный мужчина. Культурный. Начитанный. Хорошо знает поэзию. Охотно пользуется мужской парфюмерией. При первом впечатлении может показаться богатырем, который так и пышет здоровьем. Но мышцы у него ватные, настоящей силы в них нет.

По своей натуре – добродушный увалень, всегда готовый к компромиссу, даже в ущерб себе. Большой любитель выпить.

Журналист типично бульварной газетки «Петербургские страшилки и заморочки». Ее выпускает крупный издательский дом «Балт-магазин». Вкупе с добрым десятком подобных изданий – «Интимная мозаика», «Смех и грех», «Звездная пыльца», «Лабиринты неведомого» и другими. Там же выходит кроссвордная газетка, которую редактирует некий Владимир Кандыбин, лучший друг Плафопова и его многолетний собутыльник. По меньшей мере, один-два раза в месяц они приходят сюда и тихо пьянствуют всю ночь, что все равно заканчивается перепалкой с Лиманской. (О Кандыбине см. отдельную карту.)

Газета «Петербургские страшилки и заморочки» выходит один раз в неделю – по четвергам. В каждом номере – двести, а то и четыре статьи самого Плафонова. Некоторые из статей он подписывает своим полным именем, другие – созвучными псевдонимами: Балконов, Флаконов, Муфлонов и т.д.

Если судить по его статьям, то Плафонов – самый бесстрашный, неутомимый и энергичный питерский журналист. Который всюду успевает, проникает за все закрытые двери, всех знает, все видит и обо всем догадывается заранее. Нередко он намекает даже на свою роль спецагента, суперпрофессионала. Он пишет про наркодельцов, про тайные притоны, про сборища сатанистов, про маньяков и киллеров, про колдунов и прорицателей, про золото партии и янтарную комнату, про конец света и противостояние планет – словом, про все, что касается криминала, мистики и всяких чудес. Но сам он не бывал ни на одном сборище сатанистов и не встречался ни с одним киллером или маньяком. Свои статьи он сочиняет дома. По ночам. Вернее, даже не сочиняет – у него собственный метод. Он приносит с работы пять-шесть московских газеток такого же толка, распечатки из Интернета, достает с полки несколько старых книг подходящего содержания (у него богатая библиотека, доставшаяся от отца), раскладывает все это по всей комнате – на столе, на стульях, на диване, на креслах, затем кружится между ними, заглядывая то туда, то сюда – и катает! Сам не раз с гордостью

рассказывал на кухне.

И лишь иногда, крайне редко и неохотно, он пишет статьи о реальных событиях и людях. Как, например, о капитане Абоймове.

Каждый свежий выпуск своей газеты, а также прочие выпуски издательского дома, он приносит в коммуналку, раздает их нам, соседям, и обязательно показывает, на каких страницах напечатаны его статейки. Эти газеты можно обнаружить в любом уголке дома, мы нередко используем их для хозяйственных нужд. Именно так Тамаре опала на глаза старая газета с заметкой о падении сосульки.

Служебный график у Плафонова свободный. Обычно он спит до полудня, затем собирается и уходит в редакцию. Исключение – четверг. Впрочем, случается, что и в другие дни он уходит рано. А вот возвращается он обычно в одно то же время – около десяти вечера. Хотя в редакции освобождается гораздо раньше в шесть-семь. Из его рассказов можно понять, что в редакции частенько проходят всякого рода сабантуйчики, в которых он непременно участвует. Или же вдвоем с Кандыбиным они идут в какую-нибудь рюмочную. Но сколько бы Плафонов ни выпил в компании, сойдя на своей остановке, он заходит в магазин и покупает что-нибудь домой в зависимости от состояния финансов и настроения – коньяк, водку, портвейн, пиво или джин-тоник. Причем, пить начинает еще по дороге. Когда идет через парк. Маленькими глоточками, растягивая удовольствие.

Зарабатывает вроде неплохо. Во всяком случае, смерть от голода его не грозит.

Но считать деньги не умеет. В первые дни после зарплаты пьет коньяки, жарит свиные отбивные и куриные окорочка, может угостить нас, своих соседей (в особенности Лиманскую) шоколадом и пирожными, но по мере того, как истончается кошелек, пропадает и апломб. За неделю до зарплаты начинает пить лапшой «Доширак» и «Геркулесом», но пить все равно не бросает, переходя на самые дешевые крепленые вина («Агдам», портвейн «Три семерки» и т. д.). За два-три дня до зарплаты влезает в долги. Раньше его здорово выручал генерал (у сестрицы не очень-то займешь), у которого он брал, кажется, без отдачи, но затем эта лафа кончилась. Причем, задолго до ссоры брата с сестрой.

Паша занимает у нас, у Лиманской. Долги записывает в книжечку. Как-то раз Тамара заглянула – там целая страница, не меньше двадцати фамилий, кому он должен. Но всегда отдает. Но крайней мере, нам, соседям. Понимает, что иначе перестанут давать. Впрочем, так уж повелось, что за несколько дней до зарплаты и мы и Лиманская как бы невзначай подкармливаем его. Он - тоже как бы невзначай – принимает эту заботу.

Близорук, носит модной формы очки в тонкой металлической оправе.

Одевается выдерживая определенный стиль. Носит фуражку с козырьком и витым шнуром, часто надевает дымча-

тые очки, жилет с золотистыми звездочками на синем фоне. Гардероб у него небольшой, но все вещи с изюминкой. Джинсы настоящие, не растянутые в коленях. Есть два модных свитера, есть входной костюм, пиджак в черно-белую косую клетку, галстуки-бабочки – черный и алый.

Всегда чисто бреется и убирает за собой посуду. До блеска полирует обувь. И в то же время рассеян – может включить воду в ванной и забыть про нее. Или поставить чайник на газ и завалиться спать.

Хобби – поэзия. Он знает огромное множество стихов как известных, так и забытых поэтов, а также восточную поэзию. Томики стихов занимают у него два больших шкафа! Знает биографии поэтов, поучительные и забавные истории из их жизни. Может наизусть прочесть целую поэму, ни разу не сбившись. А читает он просто здорово! Как настоящий артист! Вот это он умеет. Этого у него не отнять. Его очень любит слушать Лиманская, которая считает склонность к поэзии неотъемлемой частью петербургской культуры.

Говорят, что поддав, он нередко начинает декламировать стихи где-нибудь в людном месте – в кафе, на улице, а то и в транспорте и почти всегда все вокруг умолкают и слушают только его. Лишь один-единственный раз кто-то грубо потребовал от него заткнуться, но Паша отважно возвысил голос и все вокруг ему зааплодировали! Он с удовольствием много раз пересказывал на кухне эту историю.

Ах, да, чуть не забыли! У него имеется амулет. Под назва-

нием «куриный бог». Это обыкновенный морской камешек, но плоский, как медальон, по размеру с пятирублевую монету. В нем сквозная дырочка, в которую пролезет лишь очень тонкая иголка. Дырочка эта естественного происхождения. За что камешек и получил свое название.

Этот камень Паша нашел на берегу Черного моря, где-то под Сочи, еще юношей. Он искренне верит в чудодейственную силу своего амулета. (А теперь к амулету еще добавился ангел-хранитель в лице капитана Абоймова, пылкого поклонника его декламации. Не многовато ли?)

Убежденный холостяк. Некогда не был женат и не имеет детей. По его заверениям. Нет, не гомик. Иногда приводит женщин (см. отдельную карту «Женщины Плафонова »).

КАК ПЛАФОНОВ ОКАЗАЛСЯ В НАШЕЙ КОММУНАЛКЕ

У Паши были счастливые детство, юность и молодость – по его признанию. Он вырос в благополучной профессорской семье, Его отец был известным ученым и занимал пятикомнатную квартиру где-то на Кировском проспекте. Отец мечтал, что и сын пойдет по его стопам, но того влекли «свободные профессии». Наконец, не без помощи отца Пашу приняли на журфак. Все будто бы восхищались бойкостью его пера и прочили ему славу лучшего питерского журналиста.

У Паши имелась старшая сестра Маргарита, Марго. Когда Паша был на пятом курсе, Марго вышла замуж за перспективного таможенного офицера и привела его в отчий дом. Предполагалось, что со временем профессор выхлопочет для молодых отдельную квартиру.

Но тут профессор возьми и помри. Это событие имело далеко идущие последствия. Возмутителем спокойствия стала вдова – мать Павла и Маргариты. Она была много моложе своего покойного мужа. Он когда-то взял ее нищей студенткой, а после попрекал этим, держа в ежовых рукавицах. У нее и права голоса не было (по словам Паши). Все в доме решал отец. А тут вдруг прорезались и голос, и характер. Это была еще молодая, очень красивая женщина, осознавшая вдруг, что еще успеет пожить в свое удовольствие. Тем более, что дети уже встали на крыло.

Для начала она уговорила детей совершить обмен, чтобы каждый жил своим домом. Те согласились. Паша говорит, что уже тогда мать и сестра заключили за его спиной секретное соглашение, с тем, чтобы получить для себя выгоду за его счет. Но это, мол, он понял позднее, когда рассеялся морок, который они напустили на него. Он же им во всем доверял, особенно сестре, которая была самой практичной в семье. Но которая умело выставила на первых ролях мать, женщину, живущую исключительно эмоциями.

И вот обмен состоялся. Мать и сестра отхватили себе по двухкомнатной квартире, а Паше досталась комната в нашем

доме. Вот так он и стал нашим соседом. Мать и сестра поделили также между собой обстановку и, надо полагать, отцовские сбережения. Паше опять достались «объедки» - стол, пара кресел, кое-что из посуды, безделушки... Денег не дали. Так, какую-то мелочь. Сказали, что все ушло на похороны и на памятник. И лишь после того, как он возмутился, ему в качестве отступного отдали значительную часть отцовской библиотеки, включая всю поэтическую коллекцию. Причем, Маргарита сумела повернуть так, будто и сама осталась обделенной. Все, мол, забрала мать. И Паша ей поверил. И верил долгие годы. Притом, что в тот момент он стал сотрудничать с бульварной прессой и начал все чаще заглядывать в стакан, к чему и прежде питал склонность.

С годами он все более укреплялся во мнении, что его обошли при разделе имущества, может, даже околдовали. И во всем винил только мать. Которая, что называется, пустилась во все тяжкие, заводя романы с любовниками, среди которых были и ровесники ее сына.

С матерью он практически не общался, разве что звонил ей два-три раза в год. Сама она не приезжала к сыну ни разу.

Зато сестрица бывала здесь часто, имея, несомненно, сильное влияние на брата. Старшая по возрасту и по опыту, властная натура, она долгое время была для Паши неоспоримым авторитетом.

Но минувшим летом всё это рухнуло в одночасье.

Мы расскажем об этом, но не сегодня.

ЖЕНЩИНЫ ПЛАФОНОВА

Вообще, это парадокс: он ведь видный мужчина приятной наружности, общительный,

остроумный, не лезет за словом в карман, на каждый чих у него в запасе стих (вот и у нас рифма получилась), сам постоянно на людях, умеет сделать даме комплимент, и вообще, по натуре – кавалер, джентльмен, рыцарь. А вот постоянной подруги у него нет! Нет, и не было все эти годы, что он живет рядом с нами. И, если можно верить его нетрезвым признаниям, не было и раньше.

Такое убеждение, что он родился на свет убежденным холостяком либо же когда-то в юности ожегся так больно, что это навсегда отвратило его от желания полюбить.

Будто его страшит даже гипотетическая возможность встретить свою суженую. (Или же он панически боится получить отказ? Стать объектом насмешек?)

Так или иначе, он общается с дамами, которые явно не претендуют на многое. И которых уже наутро можно выпроводить с легким сердцем, а то и с чувством облегчения.

Доступность – вот на что он ориентируется. С этой точки зрения понятна его тяга к дамам бальзаковского возраста, явно не избалованным вниманием, которые уж точно не позволят себе никаких сюрпризов, ко всякого рода невзрачным, нескладным особам, а также к дамам легкого поведе-

ния, причем самого дешевого пошиба.

Но вот что характерно: даже с самой потасканной особой он ведет себя как вел бы рыцарь с дамой сердца: целует ручки, читает стихи, обращается на «вы», делает витиеватые комплименты, обязательно дарит цветы – хотя бы один цветочек, в крайнем случае, веточку. Никакой пошлости, ни намека на ругань или грубость! Можно утверждать, что многие из этих «разовых» дам уходят от него утром очарованными (либо ошарашенными). Но, скорее, его обхождением, чем сексуальными подвигами. Ибо случалось нам иногда слышать раздосадованные женские крики из-за его двери: «Ну давай! Ну что же ты?! Не можешь?!»

Так или иначе, но редко какая женщина появлялась в этом доме вторично. А самый продолжительный из его романов продолжался едва ли больше двух недель.

Впрочем, какие-то женщины, побывавшие здесь хотя бы однажды, иногда звонят ему, порой чуть не год спустя, и он вступает с ними в долгий телефонный разговор из гостиной. Очевидно, абонентки напрашиваются в гости, но Паша всегда находит дипломатичную причину отказать.

В разное время мы часто слышали его высказывания в том смысле, что он никогда не предавал своей свободы и не предаст ее впредь.

Что правда, в последний период, особенно после его болезни, Паша начал соглашаться с тем, что у семейной жизни есть свои плюсы. Вот только, добавлял он, очень труд-

но найти идеальную половинку, ибо искать следует именно свою половинку. Этот тезис он развил однажды на нашем примере. Сказал, что с его точки зрения, Тамара – идеальная женщина, но она создана конкретно для Геннадия Завесова, как и тот для нее, именно поэтому они (то есть, мы) так счастливы. Вот если бы он, Павел, нашел свою «Тамару», тогда непременно предложил бы той руку и сердце. Сразу, не мудрствуя лукаво. Да вот беда, где найти ее, свою половинку?! А всякого рода эрзац, даже в блестящей упаковке, его не прельщает.

Можно предположить, что на формирование его отношения к женщинам огромное влияние оказал пример его матери. Очевидно, он с ранних еще лет понял, что мать не любит отца, может, даже тайно ненавидит его, и это мироощущение получило новый толчок, когда Паша понял, что мать не собирается чтить память об усопшем.

Маслица в огонь добавила и сестрица (об этом отдельно).

Раньше он приводил партнерш никак не реже одного-двух раз в месяц. Да еще иногда сам не ночевал дома.

Словом, интимная жизнь у Паши хоть и вяло, но текла.

А вот с прошлого лета – после разрыва с сестрой – все как отрезало. Если же учесть, что этому предшествовало тяжелое отравление и последующий период реабилитации, то можно утверждать, что у Паши почти год не было контакта с женщинами. Точнее – около 10 месяцев. И не похоже, чтобы он особенно страдал по этому поводу. Может, было что-то в

санатории, но мы говорим сейчас только о коммуналке.

Притом, ему по-прежнему звонят некоторые из его давних «разовых» женщин, и он по-прежнему ведет с ними душевные телефонные разговоры, читает стихи, говорит какие-то любезности, но от встреч отказывается едва ли не со священным ужасом. И нет исключения из этого правила.

А может, он просто постарел?

В одной из статей в его газете рассказывалось, будто есть молодые люди, которые по неведомым причинам мгновенно дряхлеют душой, не меняясь внешне.

Может, Паша списал это с себя?

- Уф! На сегодня довольно! – выдохнул Геннадий, ставя последнюю точку. – Даже рука затекла.

- Генчик, я очень сочувствую твоей руке, то давай всё же заполним еще одну карточку, совсем коротенькую.

- Может, завтра?

- Дорогой, давай сегодня.

- А что за тема?

- «Как мы спасали Пашу Плафонова».

Он вздохнул:

- Ладно, но это точно последняя?

- Да-да, милый, последняя! На сегодня.

«КАК МЫ СПАСАЛИ ПАШУ ПЛАФОНОВА»

Нынешний новый год Паша праздновал широко.

Пил беспробудно больше двух недель кряду, отмечая новый год, рождество, святки, старый новый год, а также – заранее – новый год по восточному, лунному, марсианскому, венерианскому и прочим календарям. Плюс день печати, который он отметил ударной дозой возлияний. К середине месяца бедняга находился в состоянии, близком к прострации. Но, надо отдать должное, пил он в основном за закрытой дверью и во хмелю не только не буянил, но становился как бы еще импозантнее.

Как-то среди ночи нас разбудил стук в дверь:

- Тamarочка! Геннадий! – мы узнали голос Лиманской. Но чтобы она стучала среди ночи – невероятно!

Геннадий бросился открывать.

Да, это была Лиманская. С сумасшедшими глазами.

- Извините великодушно! – запричитала она. - Но я боюсь! У Паши раздаются какие-то страшные стоны... Неужели вы не слышите?

Нет, до последней минуты мы ничего не слышали. Ведь в свое время, убедившись в скверной звукоизоляции внутренних перегородок, Геннадий выложил изнутри стены двух наших комнат листами фанеры и гипсокартона. Теперь от соседей к нам не долетало ни звука.

Но сейчас, когда двери на антресоли была открыта, мы убедились в правоте Лиманской.

Мигом натянув спортивные брюки, Геннадий бросился к

комнате соседа. Дверь была заперта изнутри.

- Паша! Павел! Открой!

Ответом было нечленораздельное мычание.

Уже не колеблясь, Гена вышиб замок.

Паша, на котором были только полосатые трусы с гульфиком, катался по полу, сцепив руки на животе, а вокруг... Словом, зрелище было неэстетичным, как и витающие в комнате ароматы.

Тамара первой определила, что тут – пищевое отравление и приняла на себя командование операцией по спасению соседа. Лиманской поручила срочно вызвать «скорую», Гене велела перенести соседа в ванную, вставить ему в рот шланг и заставить пить теплую воду, поглядывая однако, чтобы тот не захлебнулся. Сама же, не мешкая, и безо всякой брезгливости принялась готовить клизму.

К тому моменту, когда приехала «скорая», Пашин желудок основательно промыли. По сути, мы спасли мужика для медицины.

И вот что интересно: когда Плафонова уже вынесли на носилках из дома, у калитки остановился патрульный милицкий уазик, из которого выпрыгнул капитан Абоймов – слуга закона, обладавший даром появляться в нужный момент в нужном месте. Пашкин ангел-хранитель.

Резюме: капитан Абоймов знает (и верит!), что мы спасли Плафонову жизнь. Знает об этом «скорая» помощь. Знают об этом Лиманская, стервоза Марго, ее муж-лампасник,

знает дружбан Кандыбин. Знает об этом вся «наша деревня».

То есть, произойди с Плафоновым несчастный случай по новой, никому и в голову не придет грешить на нас. По логике вещей. А как в действительности? Вот это и надо просчитать.

Сюда же: на следующий день после случившегося Гена починил Пашкину дверь – на скорую руку – и поставил из своих запасов старый замок вместо выбитого, механизм которого был испорчен. Гена считал, что после выписки Паша захочет поставить новую дверь и врезать современный замок.

Но, поправившись, Паша заявил. Что ему некогда заниматься бытом, что и дверь и замок вполне его устраивают (хотя между косяком и дверью образовался заметный зазор).

Кроме того, Паша попросил нас взять на хранение один из ключей от вставленного Генной замка, дабы когда-либо не пришлось выламывать дверь вторично. Ибо нового штурма дверь уж точно не выдержит.

Довод был резонный, и ключ мы взяли.

Вот он, висит на гвоздике рядом с вешалкой до сих пор. Честно говоря, мы про него уже забыли. Вспомнили вот только сейчас, когда обсуждали основные положения этой карты.

Вот еще о чем следует упомянуть.

В первый же день после выписки Паша покался перед нами. Дескать, виноват – отпустил тормоза на новый год! Про-

клятое слабоволие! Не говоря уже о том, что он пропил всю заначку, предназначенную для покупки дубленки. Вот и в тот, последний, день выпить захотелось до невозможности! Побежал в дежурный магазин. Уже после полуночи. А тут, в парке, подвернулся какой-то тип. Вот, говорит, для себя брал пару пузырей, но один по-братски уступлю. Он, Павел, и раньше покупал с рук. И ничего, проносило. А на этот раз не пронесло. Похоже, в этой бутылке был чистый метиловый спирт. Мерзавцы, из-за копеечной выгоды травят честных любителей крепких напитков!

Но теперь – всё! Баста! Только сухое вино и пиво! И только по праздникам!

Честно говоря, мы ему не поверили: сколько уж было подобных клятв!

Но, похоже, на сей раз человек и вправду решил взяться за ум. Он не только бросил пить и курить, но и сел на диету. Овсянка, кисели, ряженка, овощи, зелень...

Тамару он боготворил. Читал ей звучные, красивые стихи, осыпал ее изысканными комплиментами, чуть не ежедневно преподносил то букетик, то шоколадку... Он сбросил лишний вес, подтянул животик, стал стройнее... Появился какой-то блеск в глазах...

А затем...

- Всё! – выдохнул на этом месте Геннадий. – Опять мы уперлись в прошлое лето! Выходит – нам его никак не обойти. Даже в игре. Но на сегодня у меня уже нет сил!

- Бедненький... - совсем другим тоном произнесла Тамара. – Нет сил? Ну-ка, проверим... - ее ручка скользнула к его мужскому достоинству.

- Нет, этих сил у меня еще вдоволь! А у вас такие аппетитные ножки, Тамара Георгиевна! Так бы и проглотил их одну за другой... - он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.